

ТЕМА РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ В РАССКАЗАХ Г. П. БЕЛОРЕЦКОГО

Р. С. Переславцева

Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова (Воронежский филиал)

Поступила в редакцию 26 февраля 2017 г.

Аннотация: статья посвящена теме русско-японской войны 1904–1905 годов в творчестве Г. П. Белорецкого. Указанное событие с точки зрения автора несет в себе одновременно чудовищный и нелепый смысл, неслучайно в 1906 году писатель объединяет указанные рассказы в книгу с символическим названием «Без идеи». Война для Г. П. Белорецкого не только феномен превращения живого в неживое, но и «своих» в «чужих».

Ключевые слова: русская литература XX века, уральские писатели, русско-японская война 1904–1905 гг., Г. П. Белорецкий

Abstract: the article discusses to the theme of the Russian-Japanese war of 1904–1905 in the works of G. P. Beloretsky. The specified event carries the simultaneously monstrous and absurd sense from the point of view of the author, it is not coincidence that the writer brings together these stories in 1906 in the book with a symbolic title "No idea". The war for the G. P. Beloretsky not only the phenomenon of the conversion of the living to the inanimate, and "our" to "stranger".

Keywords: Russian literature of the twentieth century, Ural writers, the Russian-Japanese war of 1904–1905, G. P. Beloretsky

Григорий Прокофьевич Белорецкий (настоящая фамилия — Ларионов) служил во время русско-японской войны 1904–1905 гг. военным врачом. После демобилизации, в 1905–1906 гг. в журналах «Русское богатство», «Русская мысль» публикуются его рассказы, посвященные указанному событию. В 1906 году в Санкт-Петербурге выходит книга «Без идеи (Из рассказов о войне)». По решению Цензурного комитета тираж сборника был фактически полностью уничтожен. В советское время несколько рассказов о русско-японской войне было опубликовано в сборнике «Избранное» (Уфа, 1958). До настоящего времени при изучении творчества писателя внимание исследователей обращено прежде всего на его рассказы и очерки из народного быта. Между тем, по мнению В. Б. Королевой, «военная проза Белорецкого о русско-японской войне сродни лейтенантской прозе <...> о Великой Отечественной войне» [1, 455].

Метафорой русско-японской войны для героя Г. П. Белорецкого становится образ «химеры» (название одноименного рассказа писателя). «Всякое воспоминание» о событиях в Маньчжурии ассоциируется у рассказчика с «дородной и пошлой фигурой» генерала, «грязно-желтым пятном выступающей на фоне трупов, языков пламени» [2, 73]. Самый яркой чертой в образе генерала становятся его «фарфоровые глаза». Обычно фарфор ассоциируется с хрупкостью, совершенством, изяществом. Стоит принять во внимание и устойчивое сочетание «китайский

фарфор». Оно имплицитно актуализировано в тексте, так как смерч войны, олицетворением которой служит генерал, затрагивает прежде всего китайское население. Однако в рассказе Г. Белорецкого «фарфоровые глаза» генерала соотносятся с искусственностью (кукольностью), механистичностью и безжизненностью: «Если бы мне сказали, что они у него искусственные, я бы не удивился» [2, 73]; «Глаза — неподвижные, большие, слегка на выкате, отчетливо голубые, фарфоровые» [2, 73]; «Глаза выражали неприятное, глупое и совершенно безжизненное, кукольное добродушие» [2, 73]. Фарфоровые глаза генерала напоминают герою «родные аксессуары физиономии нашего российского Держиморды» [2, 73].

Сравнение командира с образом полицейского из гоголевской комедии «Ревизор» подчеркивает в образе генерала не только природную склонность к жестокости, но и указывает на воплощение в последнем государственных карательных функций. Логично, что по завершении войны «"генералу NN поручено водворить спокойствие" в двух больших округах» [2, 87]. Фактически образ генерала «сшивает», объединяет пространство фронта и тыла в единую территорию войны, которую ведет с японцами, китайцами и своими подданными (!) государство. Этот сюжетный ход мы встречаем также в произведениях С. Н. Сергеева-Ценского, посвященных русско-японской войне («Бабаев», «Поручик Дерябин», «Убийство»), в которых театр военных действий представлен пространством русской провинции с восстаниями, демонстрациями, погромами, а также

с сюжетом рассказа А. И. Куприна «Штабс-капитан Рыбников», где ареной военных действий станет Петербург.

Неживой, механистический образ генерала усиливают эпитеты, которыми рассказчик наделяет его голос: «скрипучий», «безжизненный», «будто искусственный», «деревянный» [2, 74]. Образ персонажа абсолютно секуляризован: его «брюшко» защищают в буквальном смысле слова «бумажник и иконка» [2, 73]. Образ генерала-«химеры» также встречается в рассказе Г. П. Белорецкого «На войне» (например, в описании его портрета повторяется следующая деталь: на его груди топорчатся «бумажник и икона» [4, 15]).

Автор заметки, посвященной рассказу Г. П. Белорецкого «Химера», пишет о том, что на войне «теряется граница между человеком и зверем... зверь выходит человечнее человека» [3, с.212]. Тюрьма, где томятся ожидающие казни китайцы, представлена как «человеческий зверинец» [3, 213]. Генерал не столько занят собственно боевыми действиями, сколько казнями, которые он ставит на поток (три дня в неделю) и сам не прочь исполнить обязанности палача («хотелось самому отрубить голову»; «голубые фарфоровые глаза так и сияли» [1, 86], от предстоящей казни «был в полном восторге» [3, 214].

Будучи безжизненной, искусственной функцией разрушения всего живого, генерал воспринимает окружающих не как личность, индивидуальность, а как часть бюрократической государственной машины. У него «совершенно не было понятия “человек”: был “я”, потом “господа офицеры”, “нижние чины”, неприятель, китайцы и прочие одушевленные, то есть способные самостоятельно двигаться, предметы» [1, 75].

В рассказе «Химера» автор пишет о бездарности генерала как военного, стратега: «Все его распоряжения в больших боях были бестолковы... В промежутках между сражениями он занимался разведками; раз в месяц отправлялся на авось, без карты... наткнулся на японцев — шел обратно», «все это так гармонировало с общей картиной бестолковой и глупой войны, что казалось естественным и даже понятным» [2, 74]. Таким образом, генерал олицетворяет чудовищность войны не только в смысле ее необоснованной, слепой жестокости, но и также в части бестолковости ведения боевых действий. В данном случае в рассказе реализуется второй смысл слова «химера» как «пустой выдумки» [10, 650], связанной с притязаниями государственных лиц на Дальнем Востоке.

О пустоте и пошлости маньчжурских событий говорят герои в рассказе «На войне». Офицер Унтерберг, приехавший в Маньчжурию добровольцем, замечает: «Удивительно здесь мельчаешь» [4, 22]. Он рассказывает, что, когда ехал на фронт, полагал, что война — «сильнее, страшнее», нечто «полное геро-

изма», а в итоге даже «смерть! — и та произведена в разряд самых ординарных, самых пошлых явлений» [4, 24]. Действующие лица на войне изображены живыми мертвецами. Казаков рассказчик описывает следующим образом: «стоят как изваяния с каменными, неподвижными лицами, ничего не выражающими глазами» [4, 28]. Похожее описание офицеров С. Н. Сергеев-Ценский приводит в романе «Бабаев».

Автор с особой экспрессией описывает в рассказе «На чужой стороне» смерть на войне. Она лишена какого-либо героизма, напротив, труп казака Ильи Гусыни вызывает у рассказчика непреодолимое отвращение: «Помнил, что сзади везут труп, отвратительный, грязный и холодный, как лед» [6, 82]. Илья Гусыня ранен в живот, он долго и мучительно умирает, его труп несколько раз падает с испуганной лошади в грязь. Хоронят Илью в воскресенье, при этом погода резко контрастирует с событием: «все весело и ярко и в Японии, и вероятно, в России» [6, 84], тело его кладут в отобранный у китайцев гроб с иероглифами, при этом рассказчик предполагает, что китайцы этот гроб затем выкопают. Полковник Кобылин в надгробной речи путает имя покойного. Рассказчик с горькой иронией приводит слова полковника, пафосные и бессмысленные, состоящие из штампов: «он пал, как герой, потому что был ранен в живот. Пал он за Царя православного и Русь святую... Желаю и всем вам такой же смерти» [6, 85]. Автор «Журнального обозрения» справедливо писал, что в рассказах Г. П. Белорецкого «кроме страшного война имеет в себе еще и много пошлого» [7, 220].

Даже традиционная молитва «Отче наш» на фронте воспринимается как хаос звуков, звучит «грубее, беспорядочнее, бестолковее» [4, 18]. Студент Иван Петрович жалуется на отупение на войне: «это какая-то тина: с каждым разом опускаешься все больше и больше» [4, 10]. Подобные рассуждения героев являются общим местом в произведениях о русско-японской войне 1904–1905 гг. Л. Сулержицкого, В. Вересаева, Г. Эрастова, И. Митропольского, А. Куприна и др.

Закономерно, что Г. Белорецкий при подготовке (в 1906 году) сборника произведений о русско-японской войне дает рассказу «На войне» новое название «Без идеи». Оно станет и общим названием книги автора. По мнению В. Б. Королевой, «подтекст названия книги (“Без идеи”) содержит антитезу официальным патриотическим лозунгам» [1, 456].

Для Н. Ю. Грякаловой словосочетание «без идеи» — синоним незнания, недооценки российским государством и русскими войсками врага и территории, где развернулись боевые действия, то есть указание на химеричность державных притязаний на Дальнем Востоке, их несбыточность: «Говоря современным языком, возник кризис идентификации:

утрата своего “я”, потеря власти над пространством и, следовательно, над ситуацией» [9, 31]. В качестве примера исследовательница приводит книгу военного корреспондента Людовика Нодо «Они не знали...», изданную в России в 1905 году. Н. Ю. Грякалова также отмечает, что «рефрен “они не знали” звучал и в книге очерков Г. Белорецкого “Без идеи. (Из рассказов о войне)” (1906)» [9, с.31]. Характерно, что в рассказе «В чужом пиру» герой говорит о том, что японцы воюют за идею, они знают, зачем эта война. В рассказе «На чужой стороне» казак в письме родным пишет: «А скоро ли будет замирение, это нам ничего не известно. И зачем японец бунтуется, тоже не знаем» [6, 83].

Похожая тема звучит и у других авторов, пишущих о русско-японской войне. Для штабс-капитана Рыбникова оппозиция знание / незнание становится главным маркером «чужих» и «своих» — японцев и русских: «Они (японцы. — *Р.П.*) дерутся за жизнь, за славу, за самостоятельность, а мы почему ввязались? Никто не знает» [8, 383]. В очерках В.Вересаева «На японской войне» персонажи так характеризуют японцев: «Жизнью своею никто не дорожит, каждый готов все отдать за родину <...> Потому что у них есть идея... они знают, за что сражаются» [10, 27].

Единственной возможностью преодоления войны, способностью духовного самосохранения, выживания для героя Г.П. Белорецкого становится попытка нахождения «своего» в «другом» и «чужом»: «Я видел, что мы — не русский и китаец, а просто два человека, связанные с другими людьми и землей совершенно одинаковыми и простыми человеческими чувствами» [11, 100]. Такую попытку рассказчик предпринимает во время разговоров с Ли Пин Лином («На войне»), при описании трагической судьбы переводчика в русской армии — китайца Ивана Ивановича («В чужом пиру»).

Обозреватель «Русской мысли» отмечает, что писатель на войне «прежде всего <...> увидел горе не русское и не японское, а китайское» [7, 220]. Рассказчик признается: «Из всех бессмысленно-отвратительных картин войны..., самыми жестокими и бессмысленными кажутся мне те, центральными фигурами которых были китайцы» («В чужом пиру») [11, 88]. Герой позиционирует мир китайцев как мир «милых, наивных детей» [4, 7], которые производят «впечатление взрослых» [11, 88]; «делают вид, что взрослые» [11, 88]. Они тщательно обрабатывают свои скромные наделы, живут без замков, «тесно, но не мешая друг другу» [11, 91]. Китайцы, с одной стороны, представлены как «дети», которых, согласно христианской и особенно русской православной традиции, обижать грешно, так как они сакральны в силу своей непорочности и чистоты. Иначе говоря, разрушая их миниатюрный мир, русская армия уже совершает неправо дело. С другой стороны, китайцы — «другие», «странные» люди, в то же время во

многом похожие на русских крестьян. Поэтому казаки, которых самих оторвали от «непаханных полей», порой, очнувшись от жестокости и отупения войны, жалеют китайцев, чьи поля потоптали лошаадьми, а фанзы пожгли. Одному из китайцев-переводчиков в русской армии казаки дают в знак уважения русское имя и отчество: Иван Иванович. Именно ему, человеку, по судьбе которого война прошла с особой жестокостью (разорена и сожжена фанза, неизвестна судьба жены и детей, помешавшегося от горя отца казаки ловят и запарывают до смерти) автор доверяет главные слова в своем цикле рассказов: «зачем война?» [11, 97].

Рассказчик обнаруживает точки соприкосновения в межличностном общении, пространственном коде (санитар Корнышев говорит: «Ордынские здесь места... Дикие» [4, 20–21]) и духовном плане: он встречает маленькие часовенки с изображениями святых и находит последние, «удивительно похожими на русские иконы» [12, 6]. Война, которую олицетворяют генералы русской армии, несущая «непоправимое разорение», превращает китайцев из «детей», «других», «странных», но потенциально «своих», в «чужих» и врагов. Казаки рассуждают: «с голоду они (китайцы. — *Р.П.*) в фунфузы идут... Земли бы им побольше, да никто бы их не трогал» [12, 5].

Таким образом, русско-японская война 1904–1905 годов в рассказах Г. П. Белорецкого предстает чудовищным («химерой»), крайне жестоким, ничем не оправданным действием, находящимся как за гранью христианских ценностей, так и норм общечеловеческого общежития, а также бессмыслицей, глупостью. «Зачем война?» не знают ни китайцы, по территории и судьбам которых проходит линия фронта, ни казаки, которых хоронят с казенными словами в гробах с иероглифами. Война заставляет людей, имеющих похожие ремесла, духовные и исторические связи, граничащие территории, смотреть друг на друга сквозь прорезь винтовки. Для генерала, который служит олицетворением машины войны, в принципе не существует понятия «человек», поэтому он с одинаковым удовольствием казнит китайцев и усмиряет русских бунтовщиков. Государственная машина, преследующая свои амбициозные и непонятные призывникам планы, распространяет театр военных действий с линии фронта в Маньчжурии вглубь российской территории. Единственной попыткой выживания, сохранения в себе человеческого начала, преодоления судьбоносного влияния «химеры» становится поиск в «другом», даже возможном и потенциальном неприятеле, признаков «своего».

ЛИТЕРАТУРА

1. Королева В. Б. Национальное и наднациональное в произведениях Г. Белорецкого о войне / В. Б. Королева // Литература Урала : история и современность : сб. ст. —

Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2010. — Вып.5 : Национальные образы мира в региональной проекции. — С.451–458.

2. Белорецкий Г. Химера / Григорий Белорецкий // Современность. — № 2. — 1906. С. 72–87.

3. Арн. Журнальное обозрение / Арн. // Русская мысль. — 1906. — № 6. — С. 211–219.

4. Белорецкий Г. На войне / Григорий Белорецкий // Русское Богатство. — 1905 — № 2. — С. 3–30

5. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: Избранные статьи / В. И. Даль / Под ред. Л. В. Беловинского. — М. : ОЛМА-ПРЕСС; ОАО ПФ «Красный пролетарий», 2004. — 700 [4] с.

6. Белорецкий Г. На чужой стороне (из недавних воспоминаний) / Григорий Белорецкий // Русское богатство. — 1905 — № 9. — С.75–85.

7. Журнальное обозрение // Русская мысль. — 1905 — № 5. — С. 214–226.

8. Куприн А. И. Повести и рассказы. В 2 т. Т. 1 : Повести и рассказы 1893–1905 / А. И. Куприн. — М. : Худож. лит., 1963. — 623 с.

9. Грякалова Н. Ю. Война на Востоке и кризис европейских ценностей (Евро-Азиатский маршрут Максимилиана Волошина) / Н. Ю. Грякалова // Русская литература. 2004 — № 3. — С. 29–39.

10. Вересаев В. На японской войне; Живая жизнь / В. Вересаев. — Мн. : Нар. асвета, 1988. — 496 с.

11. Белорецкий Г. В чужом пиру / Григорий Белорецкий // Русское богатство. — 1905 — № 10. — С. 88–118.

12. Белорецкий Г. На войне / Григорий Белорецкий // Русское богатство. — 1905 — № 3. — С. 3–33.

Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова

Переславцева Р. С., кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков

E-mail: west30@yandex.ru

Russian economic University named after G. V. Plekhanov

Pereslavl'tseva R. S., Candidate of Philology, Associate Professor of the Languages Department

E-mail: west30@yandex.ru